С детства помню слово Пасха

Хотя я родился и вырос в наполовину немецкой семье, но с раннего детства помню слово Пасха. Дело в том, что моя русская бабушка Лидия Прокофьевна Латманизова была воцерковлённым человеком.

Волею судьбы её родители жили в одном доме и дружили с прот. Иоанном Кронштадтским, и великий святой и чудотворец был крёстным отцом моей бабушки Лиды. Крестили её на 4-й день Пасхи, когда ей исполнилось 40 дней. Она и своим рождением обязана Иоанну Ильичу Сергиеву, настоятелю Андреевского собора в Кронштадте. Мой прадед пожаловался отцу Иоанну, что жена не может забеременеть. Отец Иоанн пришёл к ним, погладил Марию Тимофеевну по животику, и сказал: «Всё. Родит!». Через 9 месяцев она была готова рожать, но ничего не получилось. На 11-м месяце Прокофий Прокофьевич снова пригласил отца Иоанна к себе, и тот снова погладил по животику и говорит: «Запрягай карету и вези прямо сейчас в роддом». Что и было сделано. Роды принимал Степан Яковлевич Гумилёв (отец поэта Николая Гумилёва).

Мои родители были очень занятые люди, готовили и печатали военные топографические карты для всей советской армии и для всех чинов, начиная от комвзвода до генералиссимуса, готовились к финской, а затем и к Великой Отечественной Войне. И я всё время проводил с бабушкой на улице Куйбышева. Соответственно, ходил с ней и в магазины, и на рынок, и в храм Святого Владимира, что на проспекте Добролюбова. Подробности уже не помню, но,

Иконка подаренная о. Иоанном крестнице

когда началась война, я окончательно поселился у бабушки Лиды, и очень хорошо помню наш поход в храм на Пасху в 1943-м году, 5 апреля. Была прекрасная погода, солнце, тепло. Купола сияли золотом, волшебно звучали колокола, шло много народа (трамваи не ходили), несли в платочках кусочки блокадного хлеба вместо куличей. Ни бомбёжки, ни обстрелов не было, правда, наши истребители летали. Как я потом на склоне лет, будучи в Финляндии узнал, что финский фельдмаршал Маннергейм лично договорился с Гитлером не разрушать храм, так как он был крещён и венчан в этом храме, был прихожанином, когда служил при русском царском дворе. Также барон Карл Маннергейм лично просил Сталина не сносить храм и запретить НКВД преследовать прихожан за посещение храма, взамен на отказ от требования Гитлера поддержать блокаду Ленинграда. Служба меня очень увлекла, я слушал псалмы певчих, звуки музыки, прокладывался к иконам, к которым меня подводила бабушка. Пять икон я запомнил – это Иоанн Кронштадтский, Ксения Петербургская, Св.Георгий, Иисус Христос и Св.Мария Волховская. К ним я прикладываюсь и сейчас, когда бываю в Храме.

Андреевский собор в Кронштадте

В 90-х годах, будучи уже зрелым архитектором, я познакомился с настоятелем храма отцом протоиереем Владимиром Устиновичем Сорокиным и принял его предложение по созданию проекта реконструкции Собора, его территории, служб и примыкающего парка с часовней Александра Невского. Что и было успешно сделано и получило высокую оценку.

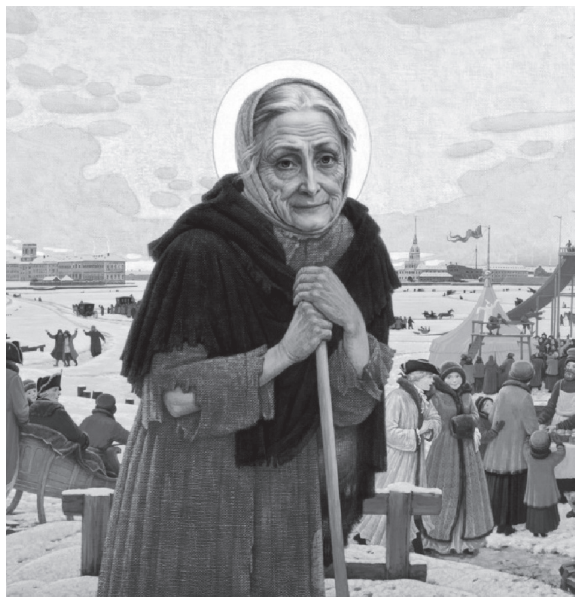
Уже будучи Вице-предводителем Петербургского Дворянского Собрания и членом Скобелевского Комитета, я регулярно участвую в Пасхальных праздниках, а также в поминовении усопших коллег, друзей и родственников в Храме Св. Князя Владимира.

Пасха – это время радости, поэтому первую неделю надо проводить в добрых делах, проведывать больных, помогать нуждающимся, простить обиды, а уж потом на Радоницу помянуть усопших.

Христос Воскресе!

Юрий Оттович Вебер

СМОЛЕНСКОЕ КЛАДБИЩЕ



На кладбище человек становится ближе к Богу и своим предкам. А я, насколько себя помню, любил бывать на Смоленском кладбище. Мы жили неподалёку, на Среднем проспекте Васильевского острова, а «Смоленка», как его называли в народе по названию протекающей рядом речки, находилась на Малом проспекте – в одном квартале.

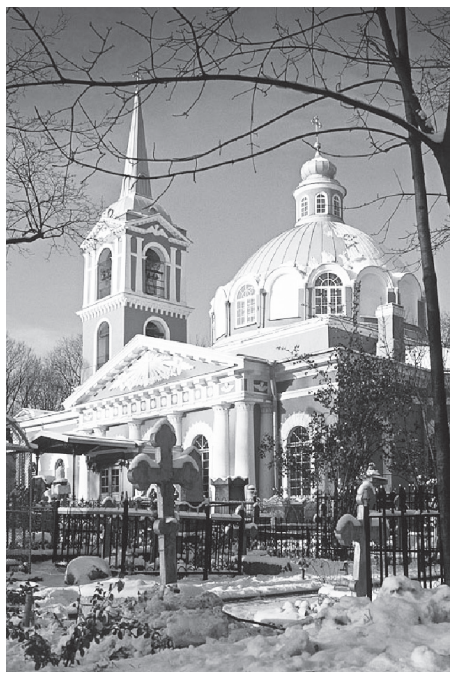
В воскресенье к нам приезжали бабушка Лида с тётей Милой, и мы впятером (с мамой и папой), а иногда и вшестером (с дядей Володей), приодевшись и взяв с собой вкусняшки, торжественно шли по 19-й линии на кладбище. 19-я линия, на которой я учился ходить, представляла собой прекрасный парк с двумя аллеями молодых лип и тополей, примыкающий к трамвайному парку. А 18-я линия была застроена невзрачными домами.

На кладбище у семейных захоронений все останавливались, а мы с бабушкой шли дальше к замечательной часовне, где бабушка молилась и учила меня прикладываться к образам. Это была часовня святой Ксении Блаженной, а её образ был прикреплён к стене снаружи, чтобы всякий человек мог приложиться к нему, даже когда часовня закрыта. Потом мы проходили к Церкви Смоленской иконы Божией Матери, и там священное действо повторялось.

А потом началась война и блокада.

Я стал жить у бабушки на улице Куйбышева, так как родители круглосуточно были на работе. Я сопровождал бабушку во всех её передвижениях. На Пасху и Рождество мы ходили пешком (трамваи не ходили) в Храм св.кн.Владимира, что на пр.Добролюбова. Это 19 км. А в день памяти Ксении Петербургской 6 февраля, который совпал с днём памяти моего деда Владимира Михайловича Латманизова, шли на Смоленское. Это было не лёгкое путешествие: далеко, холодно и хотелось есть. Сейчас вспоминая этот путь, я удивляюсь мужеству бабушки. Посмотрел по навигатору – 24 километра. Дорогу помню хорошо. Ещё пришлось укрываться в бомбоубежище – попали под артобстрел. На Волховском фронте пропал без вести дядя Володя, и бабушка молила Ксению, чтобы она помогла ему спастись. Назад шли той же дорогой, чтобы не попасть под обстрел. Фашисты не повторялись с выбором места обстрела, чтобы погубить больше народа.

Часовня Ксении Блаженной на Смоленском кладбище



Церковь Смоленской иконы Божией Матери

Спустя много десятков лет я познакомился с отцом Богданом – ключником Церкви Смоленской иконы Божией Матери. Он подвёл меня к старому священнику, который вспомнил мою бабушку и меня. Связь времён!

Памятуя великие деяния Блаженной Ксении, я её особо почитаю, молюсь ей каждый день и, когда удается, посещаю часовню и храм.

Юрий Оттович Вебер